

Сергей Мишенёв

Парикаоба

В пятидесятых годах XX в. исследователь кавказских боевых искусств, грузинский академик Василий Элашвили завершил свою работу по изучению и фиксации древнего хевсурского боевого искусства – парикаоба.

Исследование Василия Элашвили и его книга, изданная в 1956 г., стала первой и, как оказалось, последней попыткой систематизировать имеющееся боевое наследие. Последней, потому что именно в это десятилетие хевсуры подверглись своеобразному «мягкому» гонению. Семьи горцев, проживающих в своих каменных крепостях со времён раннего Средневековья, принудительно или обманом выселяли на равнины, а заодно у них конфисковывалось традиционное оружие – щиты, палаши и кольчуги. Одновременно с этим и искусство парикаобы, не вписавшееся в спортивно-идеологическую стандартизацию, попало в разряд неперспективных, а зачастую и нежелательных видов вооружённых единоборств.

Таким образом, Василий Элашвили фактически наблюдал последнее массовое (всенародное) проявление этой боевой традиции.

Его книга представляет собой бесценный материал по снаряжению, технике, традиции, ритуалу и правилам парикаобы. Однако Элашвили, воспринимая это искусство как нечто само собой разумеющееся, как древнее, родовое и неизменное, упустил в своём исследовании один из интереснейших моментов. А именно – он оставил без внимания историю парикаобы.

Между тем вопрос истории этого явления представляется не только интересным, но и довольно загадочным.

На эту загадочность я обратил внимание ещё много лет назад, когда в начале 90-х годов прошлого века впервые познакомился

с известным теперь документом, обозначаемым в специальной литературе как «Манускрипт 1.33». Эта северогерманская рукопись, датированная чаще всего 1300 годом, является самым ранним из сохранившихся учебников фехтования. На 66 пергаментных листах изображены монахи, демонстрирующие технику владения мечом в комплекте с баклером – маленьким кулачным щитом. И разглядывая эти рисунки, я вспомнил старые фотографии из учебника Элашвили, с которым к тому времени был хорошо знаком. А вспомнил я их потому, что в глаза бросилось одно сходство, которое показалось мне очень характерным. А именно: многие приёмы бойцы исполняли с соединёнными вместе руками – положение, при котором кулачный щит в левой руке прикрывал кисть правой. Какие точки соприкосновения могли быть у вполне современных хевсуров и немцев эпохи классицизма Средневековья, я не представлял, поэтому делать далеко идущие выводы поостерегся. Однако об этом наблюдении упомянул в своей первой книге «История фехтования. На пути к вершине», вышедшей в 1998 г.

Но история на этом не закончилась. Спустя несколько лет моя книга попала на глаза старшему научному сотруднику Российского этнографического музея, хранителю оружейного фонда и, пожалуй, главному отечественному специалисту по кавказскому вооружению Денису Шереметьеву.

Увидев абзац про парикаобу (единственное, кстати, упоминание о Кавказе в этой книге), Денис

Александрович отнёсся к нему неожиданно серьёзно. А при нашем личном знакомстве, которое состоялось спустя лет десять, он рассказал о своём взгляде на этот вопрос.

Оказывается, по его мнению, любой традиционной культуре обычай равного поединка, возведённый в степень системной подготовки, не очень свойственен (эта же мысль проскальзывает, кстати, и у Элашвили). Равный (честный) поединок – судный бой, рыцарский турнир, дуэль – есть продукт буржуазных и сословных культур, цивилизации, характерного гуманистического видения. Для человека же традиционной культуры в поединке важнее некие гарантии победы, физической защиты своей жизни, семьи, рода, селения, нежели равенство шансов, промысел высших сил, кровопролитие во имя чести или самопожертвование. Такими гарантиями могли стать неожиданное нападение, лучшее вооружение, численное превосходство... Если смотреть на парикаобу с этой точки зрения, то её местонахождение на Кавказе, в самом сердце традиционной культуры, не вполне оправдано. Правда, парикаоба способна быть кузницей воинского мастерства, готовя бойцов для защиты

семьи, клана, страны. Это качество индивидуального боевого искусства могло оправдать его культивацию в данном (пограничном) регионе. Но это не исключает предположение, что сама идея честного единоборства с равным оружием всё-таки залетела в Кавказские горы извне.

Только вот откуда? И вот на помощь подобным рассуждениям приходит то самое сходство техники парикаоба и манускрипта 1.33. И хотя я в своё время не представлял, как элементы западноевропейской боевой культуры могли проникнуть в Хевсуретию, при ближайшем рассмотрении достаточно очевидный ответ на этот вопрос имеется. Такому проникновению могли способствовать генуэзские купцы, которые в течение нескольких столетий наполняли артефактами и признаками своей культуры практически весь Северный Кавказ и даже сумели основать здесь свои колонии.

Таким образом, в русле этого изыскания выстроилась довольно красивая гипотеза: в XIII или первой половине XIV в. генуэзские купцы завезли оригинальную технику поединка с использованием меча и кулачного щита на Кавказ, где его облюбовали горцы, увидев в новом способе фехтования хорошее средство воинского воспитания. Техника, зародившаяся в Западной Европе, прижилась, адаптировалась к особенностям местного рельефа, а затем, можно сказать, застыла, законсервировалась в уникальном культурном заповеднике Кавказского хребта.

Красиво, но очевидно бездоказательно. Вся гипотеза выстроена лишь на внешнем сходстве и потенциальной возможности такого развития событий. А этого для хорошей истории явно недостаточно.

И так бы и оставаться этой гипотезе красивой, но бездоказательной легендой, если бы, наконец, я не собрался в Хевсуретию, для того чтобы повторить путь Василия Элашвили и лично увидеть, что осталось от парикаобы. А перед поездкой мне пришлось снова собрать и систематизировать все имеющиеся у меня сведения об этом искусстве и, самое главное, попытаться заранее разузнать о его состоянии на сегодняшний день. В этом мне очень помогли мои грузинские друзья. И благодаря этой работе количество более или менее прозрачных намёков на западноевропейские корни кавказского боевого искусства неожиданно заметно возросло.

Для начала я поинтересовался, как на самом деле называется предмет, который хевсуры используют для фехтования. Оказалось, что в книге Василия Элашвили название этого оружия не приводится, а сам он использует

термины «шашка» и «палаш». По словам одного из его последователей, он даже придумал авторский термин «палашеобразная шашка». Именно таким словосочетанием Элашвили попытался передать на русском языке конструктивные и технические характеристики этого предмета, который на самом деле не является ни палашом, ни шашкой. А сами грузины (по крайней мере, современные), не вдаваясь в детали, называют эту «палашеобразную шашку» словом «хмали». В узком смысле хмали означает сабля. Но, вероятно, так грузины могли называть любое оружие с длинным клинком. Это значит, что можно безошибочно применить такое название и к хевсурскому клинку.

Однако у самих хевсур есть своё собственное название для этого оружия – «прангули». И вот тут начинается самое интересное. Дело в том, что в переводе с грузинского прангули означает... французский! Учитывая, что на Кавказе в Средние века словом «франки» обозначали вообще всех европейцев, по смыслу это название можно перевести более обобщённо – европейский. Но в любом случае такое название оружия очень усиливает позиции идеи о европейских корнях парикаобы.

Правда, возможно и другое прочтение. Последователь Василия Элашвили Юрий Кеинашвили пытался найти свою логику в этом термине. И, кажется, нашёл. В беседах со своими учениками (мне это известно со слов одного из них) он говорил, что с учётом хевсурского диалекта, слово «прангули» можно перевести не как «французский», а как «изогнутый».

Может быть и так, если бы не одно «но». Дело в том, что изгиб хевсурской прангули настолько незначительный, что использование этого качества в названии мне представляется совершенно нелогичным.

Неужели же действительно семена парикаобы залетели на Кавказ из средневековой Европы, и моё давнишнее наблюдение, касающееся внешнего сходства этого искусства с манускриптом 1.33 оказалось не таким уж беспочвенным?

Разобравшись с этимологией оружия, я обратился к основным доступным работам, посвящённым Хевсуретии, и тут же столкнулся с теорией, основанной на записях российского этнографа второй половины XIX в. Арнольда Зиссермана, согласно которой хевсуры есть не кто иные, как потомки крестоносцев, которые бывали в этих краях в XII–XIII вв. Правда,

доказательная база у Зиссермана тоже не самая мощная. В своих выводах он опирался в первую очередь на многочисленные изображения крестов на национальной одежде хевсур, а также на то, что они, в отличие от своих соседей, продолжали использовать щиты и кольчуги. Во всяком случае, грузинские историки эту теорию не поддерживают, считая её беспочвенной.

Однако в остальном мире идея связи хевсур с крестоносцами достаточно популярна. Одним из очередных подтверждений этому стал документальный фильм, который так и называется «На земле потерянных крестоносцев», снятый украинским режиссёром Лесей Калинской на базе Нью-Йоркского университета. Современные сторонники теории Зиссермана обращают внимание и на характерную антропологию хевсур (мезокефалы выше среднего роста с голубыми или серо-зелёными глазами и светло-русыми волосами), и на сходство материальных, религиозных и социальных культур, а также на то, что в языке хевсуров присутствуют заимствования из французского.

Для меня же эта информация означало только одно: у европейских боевых школ, кроме путешествий

генуэзских купцов, мог быть ещё один путь на Кавказ...

Снабжённый новой информацией и новыми поводами к ещё более серьёзным размышлениям, я наконец и сам отправился в путь. Наша команда состояла из четырех человек. Кроме меня, в экспедиции приняли участие преподаватель фехтования Галина Чернова, специалист по рукопашному и ножевому бою Дмитрий Каминский и известный журналист Анастасия Долгошева. Нам удалось побывать в Хевсуретии, проводя ночи в её старинных каменных крепостях, познакомиться с уникальными людьми и опробовать технику парикаобы на себе. Оказывается, эта боевая традиция хоть и подверглась сильнейшему прессингу с 50-х годов прошлого века, всё-таки дожила до наших дней, и сегодня даже находится на некотором подъёме, связанном с процессами становления национального самосознания, интереса к собственной истории, в том числе и боевой.

Во время наших тренировок с нами работали сильнейшие специалисты в этой области – президент Федерации грузинских боевых искусств Нукри Мчедlishvili и преподаватели: Георгий Кокошашвили и Нодар Лурсманашвили.

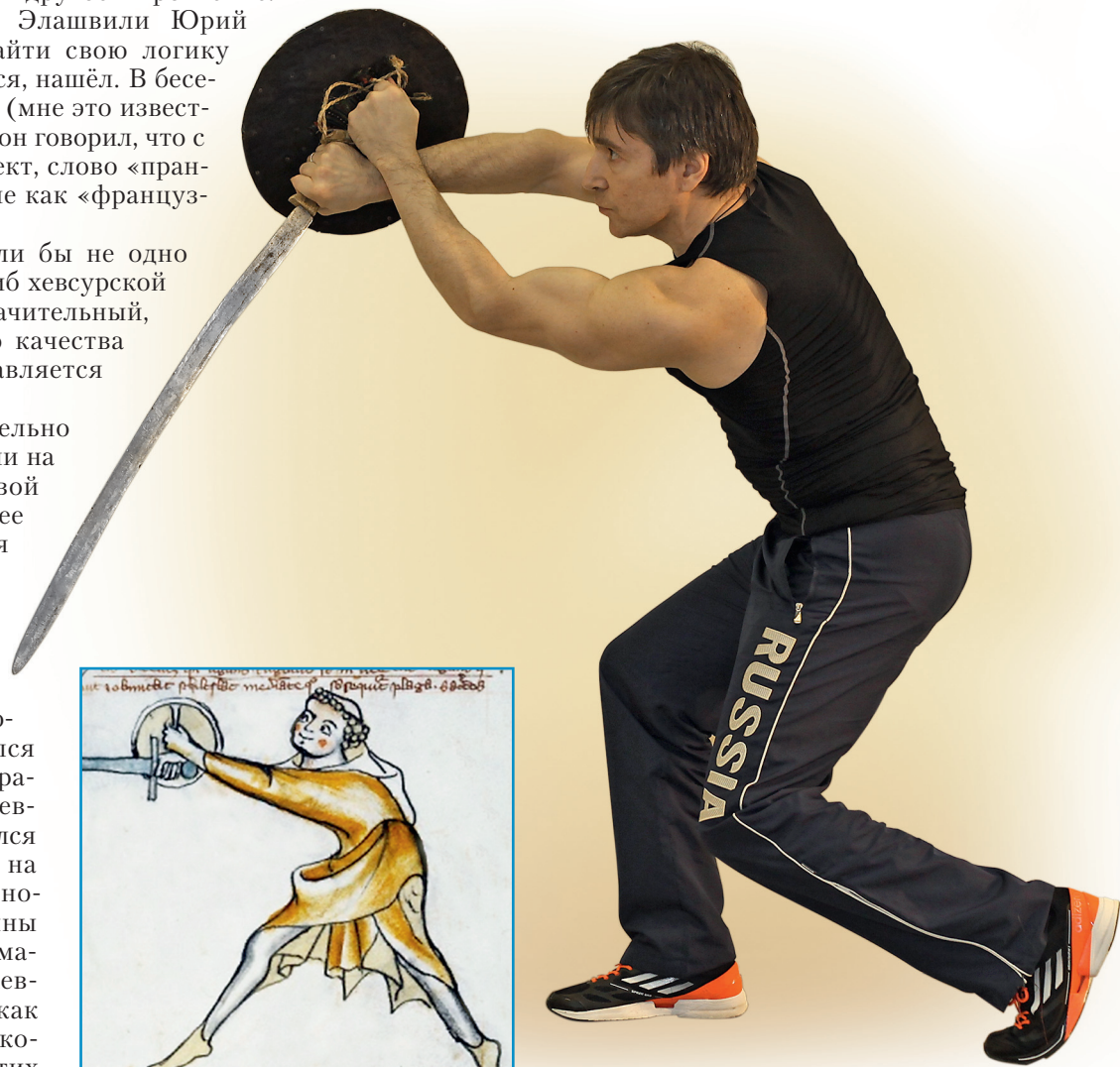
А в последний день нашего пребывания в Грузии я спросил у наших учителей: а что, собственно, означает само слово «парикаоба»? Есть ли у него какое-нибудь значение?

– А как же, – ответил мне Георгий, – название парикаоба происходит от слова «пари», что по-хевсурски означает... щит!

По-хевсурски?! Да ведь это чистейший латинский корень, вошедший в английский, французский, итальянский и многие другие европейские языки именно с этим значением! Более того, в современной международной фехтовальной терминологии, защита обозначается именно словом *parade*, да и в русском широко используется однокоренное «парировать».

Что же это? Ещё одно указание на европейские корни кавказского боевого искусства? Или просто ещё одно совпадение?

Подводя итог своих изысканий, я должен признать, что ясных, бесспорных доказательств происхождения парикаобы от европейских техник меча и баклера я, конечно, не обнаружил. Но, с другой стороны, в области нематериальной культуры, к которой несомненно относится и культура боевая, какие бы то ни были

бесспорные доказательства вообще редкость. Да, я не видел ни одного старинного документа, гласящего, что в таком-то году от Рождества Христова учителя фехтования из Европы переправились через Кавказский хребет и принятились преподавать своё искусство местным горцам.

Но возвращаясь к сумме предположений и совпадений, мы, как минимум, должны вспомнить поговорку про то, что дыма без огня не бывает. Ведь если:

– в эпицентре традиционной культуры появляется развитая школа равного поединка,

– многие позиции которого в точности повторяют позиции из северогерманского трактата 1300 года;

– в качестве оружия используется длинноклинковый предмет с говорящим названием «французский»;

– да и название этой школы содержит в себе латинский корень;

– а пути её возможного прихода на Кавказ достаточно очевидны,

то не означает ли это, что мы действительно можем иметь дело с единственной реально дожившей до наших дней ветвью средневекового европейского фехтования?

И если Кавказ славится своими долгожителями, то не пора ли ему прославиться и долголетием боевых школ?